

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 5527
ГРНТИ 18

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ КАЗАХСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКИ (НА ПРИМЕРЕ КЮЯ)

Омарова Г.Н.

доктор искусствоведения,
научный руководитель грантового проекта МОН РК,
профессор кафедры «Традиционное музыкальное искусство»
КазНАИ им.Т.Жургенова,
г.Алматы

АННОТАЦИЯ

В статье освещаются вопросы стилистического разнообразия региональных традиций казахской инструментальной музыки (кюй). Цель – выявить истоки этого разнообразия для успешного изучения индивидуально-авторских стилей кюйши. По мнению автора, в изучении казахских музыкальных традиций, даже при анализе структурных закономерностей языка и синхронном методе исследования, необходим *комплексный подход*, который предполагает знание, изучение функционального и культурно-исторического контекста традиций. Именно исследование этно-исторических процессов на территории Казахстана позволило автору объяснить феномен двух региональных традиций инструментальной музыки – *шертпе* (территории Центральных, северо-восточных, восточных и южных областей) и *токпе* (междуречье Волги и Урала, Приаралье и Сырдарья, а также полуостров Мангыстау). В статье делается вывод о необходимости дальнейших историко-культурологических исследований в целях изучения и общей истории казахской музыки, и музыкального мышления представителей разных регионов Казахстана.

ABSTRACT

The article highlights the issues of stylistic diversity of regional traditions of Kazakh instrumental music (kyui). The goal is to identify the origins of this diversity for the successful study of individual author's styles of kuishi. According to the author, in the study of Kazakh musical traditions, even in the analysis of the structural laws of the language and the synchronous research method, an integrated approach is needed, which involves knowledge, study of the functional and cultural-historical context of traditions. It was the study of ethno-historical processes on the territory of Kazakhstan that allowed the author to explain the phenomenon of two regional traditions of instrumental music – *shertpe* (territories of the Central, northeastern, eastern and southern regions) and *tokpe* (the interfluvium of the Volga and the Urals, the Aral Sea region and the Syr Darya, as well as the Mangystau peninsula). The article concludes about the need for further historical and cultural studies in order to study both the general history of Kazakh music and musical thinking of representatives of different regions of Kazakhstan.

Ключевые слова: региональные традиции, кюй, домбровые стили, шертпе, токпе, летопись родов (шежире).

Key words: regional traditions, kyuis, dombra styles, shertpe, tokpe, chronicle of clans (shezhire).

Сегодня вопрос о выживании в современных условиях национальных музыкальных культур занимает умы многих передовых людей, так как сохранение и трансляция во времени музыкального (музыкально-поэтического) наследия – это вопрос о жизнестойкости субстанциональных основ как культуры, так и самого этноса. С таких именно позиций ценят и берегут свои лучшие традиции в искусстве многие народы, тем более, что в каждой из национальных культур существует некая *классическая* (репрезентативная) ее часть, которая имеет непреходящую ценность во все времена.

В казахской музыкальной культуре мы имеем разнообразие ее региональных традиций и стилей, в том числе – индивидуально-авторских. Их стилистическое многообразие – наше истинное богатство и уникальность, этим мы должны быть

интересны самим себе, а значит, – и всему миру. Поэтому ни у кого, наверное, не возникает сомнений в том, что нам не нужна унификация; наоборот, именно *самобытность* на уровне региональных, локальных, индивидуальных (как композиторских, так и исполнительских) стилей необходимо сохранять и развивать.

По отношению к музыке казахи часто употребляют слово «сырлы» (*сырлы саз, сырлы әуен* – таинственная, загадочная), отмечая сокровенную и сакральную сущность этого искусства. С другой стороны, в исконно-казахской культуре музыка никогда не выделялась в некую отдельную область и, тесно связанная с поэзией и словом, фольклором и эпосом, мифологией и ритуалом, традиционными верованиями и социальными институтами, была в кочевом

обществе глубоко синкретичной по существу. В условиях же современной дифференциации общественных функций и областей знания музыка становится отдельным и самостоятельным видом искусства и, соответственно, – объектом специального и, опять-таки, отдельного изучения в рамках такой научной отрасли, как искусствоведение и, в частности, музыковедение.

Мы полностью согласны с тем, что язык музыки, конечно же, специфичен, а музыковедение оперирует своими понятиями, собственным научным аппаратом и соответствующими методами изучения, выработанными еще в европейской теории музыки. Основами данной теории мы сейчас и пользуемся и, надо сказать, пользуемся в целом успешно, так как, во-первых, музыка любой культуры имеет некие объективные закономерности (например, как явление физико-акустическое), которые поддаются описанию даже с точки зрения музыкально-теоретических достижений другой культуры. Во-вторых, традиционная музыка казахов, как признавали еще в 19 веке многие русские и европейские ученые, достигла больших высот в своем развитии и поэтому очень многие ее стороны могут быть вполне адекватно описаны при помощи терминологического аппарата европейской теории музыки.

Однако мы также глубоко убеждены в том, что в изучении казахских музыкальных традиций, даже при анализе структурных закономерностей языка и синхронном методе исследования, необходим **комплексный подход**, который предполагает знание, изучение функционального и культурно-исторического контекста традиций. Это осознавалось еще на ранних этапах казахского музыковедения такими учеными, как А.Жубанов, Б.Ерзакович, П.Аравин, Б.Сарыбаев [1-5] и др. Современный же комплексный подход, с широким использованием данных смежных наук, осуществлен, как известно, в работах современных ученых – А.Байгаскиной, Б.Каракулова, А.Мухамбетовой, С. Елемановой, А.Кунанбаевой, Б.Кокумбаевой, Л.Халтаевой, С.Раимбергеновой и др. Благодаря их теоретическим разработкам, а также работам следующего поколения молодых ученых в казахской музыке выявлен, в частности, пласт фольклора и пласт устно-профессионального искусства – *ән-күй-жыр*. И, несмотря на синхронность бытования этих двух пластов вплоть до XX века [6], безусловно, первый (т.е. фольклор) представляет более ранний этап музыкальной культуры, что позволяет говорить о неких, хотя бы самых общих, временных и исторических координатах в развитии традиционной музыки.

Так в XIX веке, о котором мы имеем более или менее реальное представление, сложились те музыкальные и музыкально-поэтические традиции, которые воспринимаются нами как вершинные, то есть они – результат формирования и кристаллизации музыкального языка и, шире, – музыкального мышления на протяжении многих столетий. Направившаяся параллель, например, с

орхоно-енисейскими надписями, содержание которых безусловно свидетельствует о предыдущем длительном развитии и тюркского языка, и письменности, и литературы, начала которых сокрыты в глубине веков. Также и здесь: невозможно определить генезис, время формирования и пути эволюции, впрочем, не только казахской, но и вообще устных музыкальных культур, трудно выстроить их реальную историческую ретроспективу, концепцию развития.

Мы можем проводить лишь синхронный срез и синхронный анализ – на базе как самих устно-профессиональных традиций, так и сохранившихся пластов фольклора, который, как уже было сказано, мог быть более ранней основой собственно музыкальных жанров и их языка. Так, например, в казахской инструментальной музыке существуют образцы т.н. *аңыз-күй* – древних кюев или кюев-легенд, которые с полным на то основанием можно отнести к фольклорным жанрам инструментальной музыки казахов. Хотя эти кюи в дошедшем до нас виде уже оторваны от своей прикладной функции, сохранившиеся в них следы древнего синкретизма, глубоко архаичные тексты легенд, сопровождающие эти кюи, а также сама структура музыкального языка, особенно ярко выраженная в восточно-казахстанских [7] и жетисуйских кюях-легендах [8], позволяют считать их некими первичными жанрами казахской инструментальной музыки.

С другой стороны, мы не можем связывать возникновение или бытование древних кюев-легенд с каким-то конкретным ранним периодом истории казахов или, вернее, периодом формирования его как этноса. Сама этническая история казахов представляется нам весьма фрагментарной в том смысле, что эта история, во-первых, история политическая, во-вторых, в ней отслеживается становление, расцвет и упадок сменяющих друг друга племенных союзов или государств так, что здесь трудно найти реальные факты преемственности культур. Была ли в каждом из периодов длиной в пять-шесть веков своя музыкальная культура, которая расцветала и погибала вместе с государством? Или, независимо от войн, миграций, процессов ассимиляции этнических общностей, шла, скажем так, «на местах» некая подспудная, может быть, зигзагообразная, но единая линия развития, достигающая временами своего апогея или кульминации, как это было в 19 веке (т.е. в период завершения истории Казахских ханств)?

Для нас сегодня является весьма важным вывод, сделанный казахстанскими историками примерно в 90-е годы прошлого столетия: «у древних и раннесредневековых племен Казахстана... все отчетливее выявлялись тенденции формирования их в несколько этнокультурных групп с территориальными центрами: в Семиречье и Туркестане (район Каратау и долина Сырдарьи), в Центральном, Северном и Восточном Казахстане, а также в

Западном, конкретнее в Прикаспии и Приаралье, в междуречье Урала и Волги. Дальнейшие исторические судьбы населения средневекового Казахстана постепенно закрепляло такое разделение...» [9, с.134]. То есть имеется в виду то, что в силу естественно-географических, хозяйственных условий обитания, а также – в силу этнополитических процессона территории Казахстана, уже в ранние времена возникло несколько «узлов этнической консолидации» [9, с.140], приведших позже к определенной интеграции союзов племен и формированию трех жузов с их стабилизированным к позднему средневековью родо-племенным составом.

Результаты многолетних исследований казахстанских ученых в области археологии и антропологии, изучение жилища (юрта и ее убранство), архитектурных форм, одежды, декоративно-прикладного искусства в целом, диалектов языка, жанров фольклора и т.д. обнаруживают, наряду с общей основой, черты своеобразия некоторых сторон материальной и духовной культуры возникших на территории Казахстана территориально-этнических целостностей. Музыканты также могут внести свою лепту в разработку данного вопроса: так, например, еще в 30-е г.г. прошлого столетия в традиционной инструментальной музыке различали два разных *домбровых стиля* – *төкпе* (западно-казахстанский), *шертпе* (условно – восточно-казахстанский). Последний, т.е. восточно-казахстанский стиль *шертпе* распространен на территории Центрального, северо-восточных, части южной и юго-восточной областей: это Алтай (в т.ч. монгольские и китайские приграничные р-ны), Семей, Арка, Жетису и северо-восток Каратау. В музыке Западного Казахстана, т.е. в традиции *төкпе*, как и в эпической традиции, наряду с междуречьем Волги и Урала выделяется как отдельный регион Мангыстау. К этим же регионам прилегает и юго-запад – область восточного Приаралья и Сырдарья. Каратау и Южный Казахстан (Туркестан) – зона межстилевого взаимодействия в музыке, соответственно, это зона межродовых и, шире, – межэтнических контактов, что также подтверждается данными истории и этнологии: не только роды всех трех жузов в разные периоды проникали, проживали на территории Туркестана (область присырдарьинских городов и ареала Каратау), но и представители других этносов – каракалпаков, узбеков, туркмен... Последние имели тесные контакты с казахами и на территории Мангыстау.

Выявление и изучение региональных музыкальных стилей инструментальной музыки, которые и представляют реальное наследие и истинное разнообразие *национальной музыкальной классики* – это изучение и шежере (летописи родов), и истории народа, и каждого края казахской земли. Трудно переоценить изучение языковых особенностей *местных* музыкальных традиций для истории казахской музыки: нам

представляется, что описание самых различных стилей (региональных, локальных, индивидуальных) в рамках общих музыкальных традиций с их этно-историческим и этно-культурным контекстом – это реальный путь создания более или менее достоверной модели развития казахской традиционной музыки и написания не мифической, а научно достоверной ее истории. По крайней мере, на сегодня можно сделать следующие выводы:

1) В исследованиях родословной кюйши и других носителей казахских устно-музыкальных и устно-поэтических традиций, нет ничего общего с трайбализмом. То есть, не боясь прослыть *«рушыл»* (приверженец родовых разделений), *«ұлтшыл»* (националист) и пр., нужно смело вести этно-исторические исследования (в т.ч. исследования по истории родов и племен), выявляя династийные ветви, школы, различные линии преемственности традиций в искусстве, выявляя и через фольклорные жанры, и через индивидуально-авторские стили особенности музыкального стиля и языка регионов.

2) История казахской музыки, которая еще не написана, не может быть историей вообще, т.к. должна коррелироваться этнической историей различных регионов и племен Казахстана. Современные же структурные исследования музыкального языка регионов показывают разительные отличия в системе музыкального мышления западных и восточных казахов, что хорошо видно на примере кюев *төкпе* и *шертпе*.

3) Определение региональных стилей инструментальной музыки так же, как и многое другое, лежит в русле этно-исторических исследований, которые так или иначе могут пролить свет на этнические и даже этно-генетические процессы на территории Казахстана. Ведь такие важнейшие качества музыки (музыки устной традиции), как устойчивость во времени, типичность, формульность, каноничность и другие – могут сыграть свою неповторимую роль в изучении как самого этноса, так и его культуры.

Список литературы:

1. Жубанов А.К. Струны столетий. Алматы: Дайк-Пресс; 2001. [Zhubanov AK The strings of the centuries. Almaty: Dyk-Press; 2001.(In Russ.)]
2. Жубанов А.К. Соловьи столетий. Алматы: Дайк-Пресс; 2001. [Zhubanov AK Nightingales of centuries. Almaty: Dyk-Press; 2001. (In Russ.)]
3. Ерзакович Б.Г. Песенная культура казахского народа: Муз.-ист. исследование. Алма-Ата: Наука; 1966. [Erzakovich BG Song culture of the Kazakh people: Musical-historical research. Alma-Ata: Science; 1966. (In Russ.)]
4. Аравин П.В. Даулеткерей и казахская музыка XIX века. М.: СК, 1984. [Aravin PV Dauletkerey and Kazakh music of the 19th century. M.: SK; 1984. (In Russ.)]
5. Сарыбаев Б.Ш. Казахские народные музыкальные инструменты. Алма-Ата: Онер, 1978.

[Sarybaev BSh Kazakh folk musical instruments. Alma-Ata: Oner; 1978. (In Russ.)]

6. Омарова Г. Казахская традиционная музыка в свете типологии культур // Наследие и современные проблемы национальной культуры: Материалы международной научно-практической конференции 21-23 апреля 2006 г. Уральск, 2006. - С.140-143. [Omarova G Kazakh traditional music in the light of the typology of cultures. In: Heritage and modern problems of national culture: Materials of the international scientific-practical conference on April 21-23, 2006. Uralsk; 2006: 140-143. (In Russ.)]

7. Халтаева Л.А. Генезис и эволюция бурдонного многоголосия в контексте космогонических представлений тюрко-

монгольских народов. Улан-Удэ; 2015. [Khaltaeva LA Genesis and evolution of bourdon polyphony in the context of cosmogonic ideas of the Turkic-Mongol peoples. Ulan-Ude; 2015. (In Russ.)]

8. Мүптекеев Б. Ж. Жетісу оңтүстік шығысындағы күйшілік дәстүр: Өнертану канд. ... дисс. авторефераты. Алматы; 2011. [Muptekееv B Zh Kuishi tradition in the south-east of Zhetysu: Candidate of Arts ... diss. author's abstracts. Almaty; 2011. (In Kaz.)]

9. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы; 1993. [History of Kazakhstan from ancient times to the present day (sketch). Almaty; 1993. (In Russ.)]